

Моего отца Матвеева Евгения Петровича на Псковщине знают как историка-краеведа, пушкиниста, помощника ректора и преподавателя Псковского педагогического института им. С. М. Кирова, директора Псковского музея-заповедника, но родные знали его как кладезь знаний о нашей семье, её происхождении, о событиях, в которых участвовали наши предки. Семья Матвеевых всегда была большой, мы всегда поддерживаем связь как с близкой роднёй, так и с дальней. Но есть то, о чём папа рассказывал с неохотой, тоской и грустью, - это события в его жизни и жизни его родных во времена Великой Отечественной войны, но благодаря написанным воспоминаниям о его жизни, мы смогли узнать, что же пережил мальчишка и его семья в те страшные годы.

22 июня 1941 года в памяти Жени Матвеева запечатлелось прочно. В этот день в Порхове ему была сделана очередная операция на ноге. С рождения у него была косолапость левой стопы, которую родители лечили всеми способами. После того, как он проснулся от наркоза, - первое, что он услышал и воспринял – это известие о войне. Открыв глаза, он увидел, что все сопалатники внимательно слушают радио. Сильный взволнованный голос произносил речь, последние слова которой запомнились мальчику очень хорошо: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами». С этими словами закончилось Женино детство.

В послеоперационную неделю к Жене Матвееву приходил дядя Миша в форме, да ещё с наганом, приходил его отец Матвеев Пётр Николаевич в красноармейской форме. Он приходил прощаться – уезжал на фронт. После войны отец рассказывал Жене, что он спросил его: «А там, на войне, больше не будет финских снайперов? Тебя больше не ранят?». Матвеев П. Н. был ранен в последние дни Финской войны. Следующая встреча с отцом состоялась только осенью 1944 года.

В первых числах июля Женю Матвеева выписали, и за ним на телеге с сеном приехала его мама, Мария Степановна и дед Николай Матвеевич, а дома в д. Полоное Порховского района его ждали младшие брат и сестра – Юра и Нина. Фронт приближался к Пскову, и Мария с детьми уехала жить к своей маме Тане в соседнюю деревню Опочно.

Несколько дней была тишина, но вскоре, когда фашисты стали приближаться к Пскову, их самолёты начали бомбить Порхов. Во время фашистских налётов все выбегали в огороды, в сады, ложились на землю, в межгрядья, под кусты, чтобы хоть как-то спрятаться от осколков бомб и пулемётного огня, которым поливали фашисты даже мирных граждан. Вскоре стало известно, что Псков взят фашистами. Колхоз выдал желающим лошадей с телегами для отступления. Мария, тётя Вера, тётя Катя, Женя, брат Юра, сестра Нина сели в телегу, привязав сзади к телеге корову. В деревне дома осталась одна бабушка Таня. Удалось им проехать всего десяток километров. Несколько раз были налёты фашистской авиации, дети видели воздушный бой советских самолётов с немецкими. Во время фашистских налётов взрослые хватали детей и как горох рассыпались по канавам и окрестным кустам. Во время одной из бомбёжек Жене осколок раздробил гипс, ранил больную ногу.

Позже стало известно, что двигаться вперёд бессмысленно – впереди, где-то в Волышово уже немцы, и надо возвращаться назад. Только подъехали к родной деревне, оказалось, что немцы уже в Порхове и навещали Опочно. Это был капкан. При подъезде к деревне семья угодила под немецкие пули, бросились по канавам. Когда обстрел утих, стали распрягать лошадь. Минуту спустя обстрел возобновился, а лошадь была убита. Но они вернулись домой – немецкий отряд умчался куда-то дальше. Началась трудная опасная жизнь в оккупации – «под немцем».

В доме бабушки Тани жили её дети Вера, Лёня, Мария (мама Жени) и дети Марии: Женя, Юра, Нина. Тётя Катя, упомянутая раньше, с мужем Сашей жила отдельно, в январе 1942 у них родилась дочка Нина.

Жизнь Жени Матвеева в первые дни была тяжела: гипс рассыпался, рана от осколка сильно болела, операция, сделанная раньше, пошла насмарку. Со временем он всё же научился ходить без костылей, даже немного бегать, но, гуляя с мальчишками на улицах деревни, в потасовках участия не принимал, да и мальчишки к Жене не лезли. По воспоминаниям, деревенские парни постарше были заводилами игр, порой опасных: подбирали пистолеты в лесу, искали патроны, гранаты, делали самострелы-зажигалки; когда знали, что поблизости немцев нет – играли в войну, в ближайшем лесу пели песни: «Когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин, и первый маршал в бой нас поведёт». В свою компанию мальчишки принимали, впрочем, на улицу гулять его отпускали редко. И в доме часто сидели малыши (Юра и Нина), Женя и тётя Вера (её тоже на улицу старались не отпускать – она была якобы больна и, как только слышно было, что в деревню едут немцы, она быстро ложилась в кровать). Она на самом деле была очень болезненной, и когда немцы выбирали молодёжь для вывоза в Германию, врач, русский по происхождению, выписал Вере справку, что она больна туберкулёзом, и таким образом уберёт её от разлуки с семьёй и, возможно, гибели в Германии.

Был случай, который чуть не погубил всю семью. Летом 1942 года тётя Вера сидела у открытого окна и что-то читала, Женя в это время расположился на полу и играл с лошадкой. Лошадка была довольно большая, на неё можно было садиться верхом и качаться. Может, от частых падений, может, от некачественного исполнения, лошадка из папье-маше прохудилась, в её боку образовалась дырка, и стала видна вылезаящая из её бока газета. Женя её вытянул, и далее одна за другой стали появляться газеты, которые заполняли внутреннее пространство лошадки. Это оказалась «Правда» с крупными фотографиями парада на Красной площади в Москве и с портретами вождей. Разворачивая газеты, мальчик стал их перебирать, с интересом смотреть и громко читать заголовки. Вдруг в открытое окно стал слышен треск въезжающих в деревню немецких мотоциклов. Тётя Вера вскрикнула, побледнела, растрёпанную лошадку и газеты забросила подальше, а сама, схватив ребёнка в охапку, легла на кровать. Беда миновала, немцы проехали мимо, не останавливаясь. В семье много разговоров было по этому поводу – детей учили быть осторожными.

Осенью 1942 года Женя отправился в школу, открытую оккупационными властями в соседней деревне Киёвка, в первый класс. Учительница была немолодая, добрая, учила читать, писать, считать. Этому тётя Вера уже научила мальчишку, так

что дни в школе для Жени были довольно скучными, трудностей больших в учёбе он не испытывал. В школе были выданы учебники по русскому языку и арифметике, изданные при немецкой власти, с портретами Гитлера и рассказами о жизни в Германии, бездарные стишки дети втихомолку переиначивали, употребляя порою матерные слова. Учёба была нерегулярной, часто по неделе и больше не ходили в школу. Осенью 1943 года вновь начался учебный год, дети пошли уже во второй класс, но учёба продлилась недолго. Женин класс учил молодой парень, сын учительницы, которая учила первый класс. Однажды приехали в школу гестаповцы (по форме одежды разбирались, кто есть кто), схватили учителя, его мать. Ребят пинками выгнали из школы и сказали, чтобы они больше в школу не приходили. Впоследствии все узнали, что и учительница, и её сын за связь с партизанами были расстреляны. К сожалению, память Жени не сохранила их имён. Так окончилась учёба при немцах.

Летом 1943 года пришла в Опочно навестить семью бабушка по папе Оля и увела Женю с собой в Тригоршу. Там он провёл несколько дней. Мальчишки недалеко от танцплощадки, устроенной как раз напротив дома бабушки Оли возле вековой сосны (она и сейчас ещё жива), наблюдали за танцующими немцами, пьющими пиво, и кричали им: «Ганс, не пей пиво, будешь писать криво». Дети потешались над ними, им странно было, что они их не понимают.

В детской памяти отложились ярко три события ноября-декабря 1943 года. Поздно вечером, это было 13 ноября 1943 года, люди слышали страшной силы взрыв, все выскочили на улицу и увидели над Порховом столб дыма и огня – как после узнали, это был взорван кинотеатр с 700-ми ээсовцами. Второе – страшный рассказ о том, что была сожжена с народом деревня Красуха. И третье – это тревожная ночь с 1-го на 2-е декабря 1943 года. Ранним утром по всей деревне послышалась стрельба, немцы стали выгонять всех жителей из домов и сгоняли их на край деревни. Мария не растерялась (видимо, такая ситуация и раньше в семье обсуждалась) – вытащила с тётёй Катей из сарая старые дровни, набросали в них подушек, одеял, посадили детей: 9-летнего Женю, 5-летнего Юру, 4-летнюю Нину и полуторагодовалую дочку Кати – Нину, да больную сестру Веру. Бабушка Мария и тётя Катя впряглись в дровни и стали выходить из деревни. Повсюду крики, стрельба, мычание и рёв скотины. Немцы и полицаи выгнали всех из деревни; кое-кто успел из хлева выгнать скотину (догадались, что сейчас зажгут деревню), а кое-кому не удалось этого сделать. Всех согнали на окраину, деревню подожгли со всех сторон, она горела ярким пламенем, все стояли под дулами автоматов в оцепенении, запертые в хлевах коровы страшно мычали. Когда деревня сгорела, всех колонной погнали к Порхову, как после выяснилось, население ещё трёх соседних деревень постигла та же участь – всех согнали в концлагерь на окраине Порхова. Мужа тётки Кати, дядю Сашу, как старосту забрали в Заполянский концлагерь и там замучили до смерти. Так жители поплатились за связь с партизанами.

В концлагере семья находилась в полной неизвестности о своей будущей судьбе почти весь декабрь. Их загнали в переполненный людьми барак, где на нарах не то что прилечь – посидеть порою не было места. Холодно, кормили один раз в сутки какой-то баландой. Запомнился Жене невероятный шум, гам, порой брань, ночью не сон, а

какое-то полузабытьё, всё время хотелось есть и спать. Однажды ночью их обокрали: у матери из сумки вытащили пакет с деньгами и, самое главное, с фотографиями и документами. Поэтому в нашей семье нет ни одной довоенной фотографии.

Однажды ночью в концлагере их барак подняли на ноги, велели выходить и загнали в вагоны, в которых обычно возили скот. Несколько вагонов, так называемых теплушек (хотя в них был страшный холод), в которых до отказа нагнали много народа – узников концлагеря, поставили впереди паровоза, за паровозом – вагоны с ранеными немцами и какие-то товарные вагоны. Сообразительные догадались, что их два-три вагона впереди паровоза поставлены на тот случай, если где-то дорога заминирована партизанами, - тогда подорвутся эти вагоны, а остальные с немцами уцелеют.

Страшную бомбёжку они пережили на станции Подсевы. Состав почему-то задержали, а в этот момент налетели на станцию советские самолёты – бомбить стоящие на путях поезда. Конечно, лётчики не знали, что в нескольких вагонах фашисты везут в неволю мирных жителей. К счастью, состав не пострадал, и они скоро двинулись в сторону Пскова. От Пскова до Двинска (сейчас Даугавпилс) ехали в том же вагоне. В Двинске началась какая-то пересортировка людей: малочисленные семьи со взрослыми здоровыми людьми перевели в другие вагоны и повезли в Германию. Остальные семьи, где были одни старики, женщины и дети, через несколько дней перевезли в литовский городок Зарасай, поместили в какой-то школе. Каждый день приезжали с окрестных хуторов литовцы подбирать себе работников-батраков. Брали в первую очередь те семьи, где дети уже подростки, да и не менее 2-3 трудоспособных взрослых. А кому нужна была семья, где четверо малолетних детей, больная тётя Вера, старая бабушка, а работниц всего две – Мария и тётя Катя? Пытались разделить семью, но каким-то образом стоящая на своём бабушка Таня: «Будем только вместе» - сумела умиловить одного хозяина, оказавшегося русским (его дед переехал в Литву много лет назад), и он взял всю семью и отвёз в свой хутор Кети Имбродской волости, что примерно в двадцати километрах от Зарасая. Жена хозяина была очень недовольна тем, что он привёз такую большую и неработоспособную семью, где из восьми человек работников только две женщины. Семье отвели для проживания летнюю горницу, где зимой хранили продукты. Пол в горнице был глинобитный, печка хоть и имелась, но ею не пользовались. Мария, тётя Катя и бабушка Таня быстро навели порядок в помещении, натопили печку, набили соломой матрацы, которые выделила хозяйка, и все потихоньку стали устраиваться на новом месте. В работающих руках сестёр дела пошли споро – хозяйка согласилась кормить большую семью только в том случае, если они будут хорошо работать: у неё в хозяйстве было 8 коров, 3 лошади, 3 свиноматки, куры, гуси, утки. Кроме ухода за скотиной и других работ по хозяйству, молотили на гумне хлеб, трепали лён и многие другие работы выполняли. Весной и летом Женья и маленький брат Юра пасли гусей и уток, по окрестным хуторам ходили просить милостыню, причём литовцы давали что-то лишь когда их просили по-литовски, поэтому пришлось мальчикам выучить несколько десятков слов.

Хозяева по происхождению были русские, общение с ними не вызывало затруднений. Постепенно отношение их к ним стало более тёплым. Однажды (это было

в марте 1944 года) хозяева повезли Женю в волость – туда вызвали всех мальчишек в возрасте от десяти лет и старше, вывезенных с Псковщины. Там детям выдали паспорта – аусвайсы. Когда же очередь дошла до Жени, то выяснилось, что ему до десяти лет не хватает полгода, да к тому же он «искалеченный», и аусвайс ему не выдали. Мальчишка обиделся и с такой обидой возвратился домой. А вскоре до них дошли вести, что все мальчишки, имеющие на руках аусвайсы, вывезены в Германию без родителей.

Спустя много лет, в 1985 году, когда Евгений возглавлял поездку работников культуры Псковской области в округ Гера Германской Демократической Республики, всех провели для возложения цветов на братскую могилу русских 10-13-летних мальчишек (их там было захоронено более десяти тысяч), замученных невыносимыми условиями труда на военном подземном заводе. Если бы Женя был на полгода старше, он тоже мог бы там оказаться. Так немецкая пунктуальность помогла Жене остаться в живых.

Весной и в начале лета 1944 года немцы выгнали всех жителей из хутора в небольшую сосновую рощу, там все расположились в заранее выкопанных или приспособленных окопах. Совсем рядом шли бои, и хорошо была слышная артиллерийская канонада. Немцы, не приняв боя, ушли на запад. Не услышав выстрелов и на следующий день, рано утром тётя Катя и тётя Вера пошли на разведку, на дорогу, и вскоре уже бежали обратно с радостными криками: «Наши, наши идут». Все побежали к дороге – и увидели приближающиеся колонны советских войск: солдаты и офицеры в форме. Узнав, что они русские, угнанные немцами из Псковщины, они ласково разговаривали, чем-то вкусным угощали детей, говорили, чтобы мы собирались теперь домой. Радости не было конца. Красноармейцы ушли дальше на запад, наступило некоторое затишье, однако вскоре до нас стали доходить страшные вести – в округе вырезали целые русские семьи, видимо, почувствовав безнаказанность (армия ушла на запад, а органы власти – военные комендатуры – ещё только формировались). Слухи о жестокости «лесных братьев» наводили на русские семьи ужас, и семья спешно стала собираться домой. Мария и тётя Катя – ходили в Двинск (Даугавпилс), побывали у военного коменданта, выхлопотали разрешение на возвращение домой. Комендант их отговаривал, советовал не торопиться, говорил, что Псков и Порхов разрушены дотла, многие деревни сожжены. Но женщины всё же решили немедленно отправляться домой – хоть на пепелище быть, но на Родине. Сборы были недолги – хозяева снабдили их на дорогу продуктами, отвезли на лошадях в Двинск, и началось почти двухнедельное путешествие домой. Ехать пришлось кружным путём – ещё не была восстановлена железная дорога на Псков из Двинска. Семья села на железнодорожные открытые платформы, на которых стояла какая-то неисправная военная техника – везли, наверное, ремонтировать в тыл. Ехали через Минск, страшно было смотреть на разрушенный дотла город, впрочем, скоро и другие города, в том числе, и Бологое, и Дно, и Порхов они увидели такими же разрушенными. 8 сентября 1944 года на станции Тригорша машинист остановил поезд, они быстро разгрузились. Мария и тётя Катя пошли в деревню (это всего полкилометра от разъезда) и вернулись с бабушкой Олей и дядей Гришей. Деревня бабушки Оли не была сожжена немцами и в сохранившейся бабушкиной избе разместились человек 30

родственников – все нашли приют... Радость встречи омрачилась печальными известиями: не дожидаясь освобождения дед Николай, вернулся домой с тяжёлым ранением дядя Гриша, ставший инвалидом, двоюродный дедушка Алексей ещё в 1941 году погиб на Пулковских высотах. У бабушки Оли уже были известия: от отца Жени – он воевал в Пруссии, дядя Тимофей тоже жив и воюет, освобождая Родину. Жив дядя Коля, жива тётя Полина, однако их дети погибли в 1941 году.

Вскоре отец, узнав из письма, что они все живы и вернулись в Тригоршу, получил краткосрочный отпуск на пять дней и приехал домой в ноябре 1944 года. Женя пошёл в школу во второй класс в деревню Красково, а вскоре перешёл учиться в Полоное, когда под школу отремонтировали более просторный бывший барский дом. Мария пошла работать на железную дорогу – охраняла железнодорожный мост через речку Полонку, тётя Катя устроилась на работу в совхоз «Полоное». Она вскоре с дочкой Ниной и матерью, бабушкой Таней, переехала жить в Полоное. Все с нетерпением ждали окончания войны и возвращения родных.

В 1950 году Евгений окончил 7 классов Порховской школы и уехал в Пярну (Эстония), где начал свою трудовую деятельность. Через 3 года и поступил на историко-филологический факультет ПГПИ. 23 сентября 1960 года женился на Матвеевой Надежде Павловне, уроженке д. Акуловка Новгородской области. 10 октября 1961 года родилась единственная дочка Юлия.

Он возглавлял Бельско-Устьенскую и Остинскую школы. Позже был директором технического училища. С 1979 возглавлял Псковский музей-заповедник. С 1984 г. трудился помощником ректора в ПГПИ. На протяжении жизни занимался краеведческой работой, вёл экскурсии значимым личностям СССР. Также был автором и ведущим фильмов по истории Пскова.

Е. П. Матвеев отмечен наградами: медалями «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне», «В память 1100-летия первого упоминания Пскова в летописи», «60 лет Победы в Великой Отечественной войне», «За заслуги перед Псковом», почётный знак ЦК ВЛКСМ «За освоение новых земель», «90 лет Комсомолу».

За свои 76 лет жизни он воспитал несколько поколений историков, привил любовь к Псковщине и её истории не только студентам, но и своим детям и внукам. Он воспитал дочь Юлию, внучек Ольгу и Ксению, правнучку Дарью.